

рые он перерабатывал, мы видим, что этот прославленный агиограф включает в перерабатываемые источники риторические добавления, придает повествованию бóльшую отвлеченность, устраняет или нейтрализует такие эпизоды, которые имели в житии ярко выраженную сюжетность.³ Таким образом, характер литературной деятельности Пахомия уже сам по себе свидетельствует о том, что многие жития не отвечали требованиям агиографического жанра и что агиографы, церковные идеологи прекрасно понимали это и имели вполне определенное представление о канонах агиографии. И вот в этой двойственности (с одной стороны, стремление соблюсти в житии чистоту агиографического жанра, а с другой — нарушение агиографических канонов), в этой борьбе регламентирующего жанр начала с началом, разрушающим его, и заключалось развитие житийного жанра, таилось то, что делало этот церковно-служебный вид литературы чтением, привлекавшим читателя не столько своей церковно-назидательной функцией, сколько интересным сюжетом.

В основе житий лежала судьба реальных людей, и, как ни стремился агиограф к отвлеченности, обобщенности, схематизации в своем рассказе, в него проникали и какие-то живые, реально связанные с именем этого человека эпизоды. В рассказах о чудесах, обязательных для каждого жития, находили отражение устные предания, нередко носившие характер либо натуралистический, либо сказочно-фантастический. Это имело место уже в ранний, киевский период русской агиографии,⁴ но наиболее ярко и заметно отклонения от правил житийного жанра дали себя знать в севернорусских житиях XVI—XVII вв.

В статье «Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии»⁵ С. А. Бугославский приводит многочисленные примеры тесной связи северо-восточных житий с литературными традициями переводных и оригинальных памятников агиографии киевского периода. В северо-восточных житиях встречаются устойчивые формулы и стилистические трафареты, характерные и для ранних житий. На основании этого исследователь делает вывод, что в северо-восточной русской агиографии «мы имеем дело не с зарождением нового стиля, а лишь с упрощением под пером еще неопытных севернорусских авторов старых изысканных приемов письма... Схема развития северо-восточной житийной формы, формулированная окончательно В. О. Ключевским, построена по неверной аналогии: зарождается новая государственность, новый быт, стало быть, по его мнению, зарождается и новая литературная форма».⁶ В какой-то мере С. А. Бугославский прав. Действительно, упрощение житийного жанра частично могло происходить за счет меньшей литературной опытности авторов многочисленных севернорусских житий. Но главная

³ См.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, стр. 208—229.

⁴ В Житии Феодосия Печерского может быть отмечено немало нарушений житийных канонов. В соответствии с требованиями житийного жанра Нестор во многом следует византийским образцам, рассказывая о скромности, стремлении к богу, аскетичности своего героя в юные годы. Но развивая также традиционную схему столкновения героя, желающего уйти из мира, с удерживающими его от этого родителями, Нестор вводит в нее несвойственную агиографии страстность и жизненно-психологическую эмоциональность. В Несторовом житии нашли, подчас весьма яркое, отражение бытовые картинки монастырской жизни, политические ситуации эпохи (подробный анализ этих особенностей Жития Феодосия см.: В. П. Адрианова-Перетц. Задачи изучения «агиографического стиля» древней Руси. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 46—51).

⁵ Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, стр. 332—336.

⁶ Там же, стр. 336.